

Научная статья

УДК 343.81 «311»

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.389-397

АРЕСТАНТСКАЯ ОБЩИНА И ЕЕ ЛИДЕРЫ – «БРОДЯГИ» В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Сергей Алексеевич Кутякин¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, kutiakin@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится исследование исторических аспектов содержания феномена арестантской общины мест лишения свободы России XIX – начала XX в., дается психолого-криминологическая характеристика ее лидеров, относящихся к категории профессиональных преступников – «бродяг». Автор сделал вывод о том, что лидеры арестантской общины XIX – начала XX в. явились прообразом современных «воров в законе». Доработанная статья опубликуется с письменного разрешения интернет-сайта «Blog – Servitutis.Ru» от 21 октября 2022 г. Ссылка на первоначальный вариант статьи – <http://www.blog.servitutis.ru/?p=1146>.

Ключевые слова: арестантская община, «бродяги», «воры в законе», «иваны», каторга, места лишения свободы, осужденные, профессиональные преступники, тюрьма, уголовники

Для цитирования

Кутякин С. А. Арестантская община и ее лидеры – «бродяги» в местах лишения свободы России во второй половине XIX – начале XX в. // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 3. С. 389–397. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.389-397.

Original article

THE CONVICT COMMUNITY AND ITS LEADERS ARE "VAGRANTS" IN PLACES OF DETENTION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY.

Sergej Alekseevich Kutjakin¹

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kutiakin@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical aspects of the content of the phenomenon of the convict community of places of deprivation of liberty in Russia of the XIX – early

© Кутякин С. А., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

XX century, gives a psychological and criminological characteristic of its leaders belonging to the category of professional criminals - "vagabonds". The author concluded that the leaders of the convict community of the XIX – early XX century. they were the prototype of modern "thieves in law". The revised article will be published with the written permission of the Internet site "Blog - Servitutis.Ru " from October 21 , 2022 Link to the original version of the article – <http://www.blog.servitutis.ru/?p=1146>.

Keywords: convict community, "vagrants", "thieves in law", "ivans", penal servitude, places of imprisonment, convicts, professional criminals, prison, criminals

For citation

Kutjakin, S. A. 2023, 'The convict community and its leaders are "vagrants" in places of detention in Russia in the second half of the XIX – early XX century.', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 389–397, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.389-397.

История тюремного мира царской России второй половины XIX в. говорит нам о том, что арестанты в местах лишения свободы делились на касты-сословия. Одни из них занимали главенствующее положение, другие – подчиненное. Существовали также категории арестантов, которые по тем или иным причинам (предательство, доноительство, неисполнение взятых на себя перед другими арестантами обязательств и т. д.) преследовались остальными осужденными, хотя в отдельные касты-сословия не объединялись. Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в. составляли «иваны» [1, с. 17]. По свидетельству В. М. Дорошевича, они представляли собой нечто вроде «рыцарского ордена»: держались особой компанией, стояли друг за друга и были неограниченными властелинами каторги; распоряжались жизнью и смертью других; были законодателями, судьями и палачами; изрекали и приводили в исполнение приговоры, иногда смертные, всегда непреложные [2, с. 210–214]. Объединяющим началом для «иванов» было то, что они происходили из категории «бродяг» – наиболее профессиональной части преступного мира. Свое прозвище они получили за то, что, не имея постоянного места жительства (или скрывая его при аресте) и уклоняясь от регистрации, имели возможность не контролируемого полицией передвижения по стране. Днем эти люди обычно отсыпались, а ночью «работали» в городах и их окрестностях, по барским и купеческим усадьбам, амбарам богатых мужиков, проезжим дорогам. Нередко их «работа» пахла кровью [3, с. 73]. При аресте и привлечении к уголовной ответственности «бродяги», не имея каких-либо устанавливающих личность документов, называли себя вымышленными именами (Иванами Ивановыми) и заявляли суду, что места рождения и родственников они не помнят или не знают. Вот как описывает свою встречу с «бродягой» исследователь мест лишения свободы России второй половины XIX в. Дж. Кеннан: «"Кто вы такой?" – спросил я. «Я бродяга», – отвечал он спокойно и серьезно. «Как вас зовут?» – «Иван Непомнящий», – сказал он...» [4, с. 180]. Такой ловкий ход затруднял действия полиции по установлению всей преступной деятельности «бродяги» и позволял привлекать его к уголовной ответственности лишь за то преступление, за которое он был задержан в последний раз. Кочевая жизнь «бродяги» была весьма удобна для профессиональных преступников и тем, что позволяла им не только скрывать свое преступное прошлое, но и легализоваться в обществе после побега из мест лишения свободы. В случае задержания «бродяг» за какое-либо (иногда незначительное) престу-

пление они получали возможность выправить себе документы на новое, придуманное ими имя и сменить свою старую преступную биографию на новую, более лояльную и законопослушную.

Таким образом, прозвище «бродяги» вполне отвечало образу жизни рассматриваемой категории преступников. Следует учитывать, что слово «бродяги» означает вольных и независимых людей с извечным стремлением к свободной жизни. Тюремные стены и неволя тяготят жизнь любого арестанта, но «бродяги» чаще других отваживались на совершение побегов из мест поселения, тюрем и с каторги. Своих намерений о совершении побега они не скрывали от других арестантов, а часто и от начальства. Вот что пишет, характеризуя «бродяг», их современник, а заодно товарищ по несчастью, бывший каторжанин Л. Мельшин: «Бродяги, вообще, являются сущим наказанием каждой партии. Это люди, по преимуществу испорченные, не имеющие за душой, что называется, *ni foi, ni loi*, но они цепко держатся один за другого и составляют в партии настоящее государство в государстве. Бродяга, по их мнению, высший титул для арестанта: он означает человека, которому дороже всего на свете воля, который ловок, умеет увернуться от всякой кары. В плутовских глазах бродяги так и написано, что какой, мол, он непомнящий! Он не раз, мол, бывал уже «за морем», то есть за Байкалом, в каторге, да вот не захотел покориться – ушел! Впрочем, он громко утверждает то же самое, глядя в глаза самому начальству» [5, с. 15].

Сила духа, нестигаемость воли, чувство собственного достоинства, бесстрашие, отвага, безудержная отчаянность и удасть возвышали таких людей над толпой и делали их бесспорными предводителями среди всей арестантской массы. Характеризуя одного из таких лидеров, Л. Мельшин пишет: «У Семенова, например, было в высшей степени развито чувство какого-то особенного, мрачного и, пожалуй, даже страшного человеческого достоинства, чувство своеобразной арестантской чести и товарищества...» [5, с. 107]. Ф. М. Достоевский в знаменитых «Записках из Мертвого дома» отмечает: «В каторге было несколько человек, метивших на первенство, на знание всякого дела, на находчивость, на характер, на ум. Многие из таких действительно были люди умные, с характером и действительно достигали того, на что метили, то есть первенства и значительного нравственного влияния на своих товарищей» [6, с. 103].

Создав для себя исключительное положение в тюрьме, «бродяги» оказывали огромное моральное воздействие на других осужденных. Особенно велико было их влияние на новичков тюремной жизни из числа молодых, неопытных арестантов, которых они вводили в курс тюремной жизни и психологически примиряли с их новым положением. Всякие вопросы арестантской жизни находили с их стороны грамотное и вразумительное толкование. Их философия и богатый жизненный опыт, полученный в местах лишения свободы, успокаивали и привлекали к себе людей, впервые оказавшихся в тюрьме и испытавших от этого сильное душевное волнение и даже отчаяние. Все эти качества, а также оптимизм «бродяг» во взглядах на будущее внушали вновь прибывшим арестантам чувство уверенности и спокойствия, вызывали уважение к этим людям и стремление подражать им. Необходимо сказать о том, что такие современные самоназвания «воров», как «законники», «законные воры», «воры в законе», также берут свое начало из субкультурной среды «бродяг». Словосочетание «бродяга-законник» было в ходу среди арестантов еще в XIX в. «Бродяга-законник» хорошо знал не только законы Российской империи, но и способы ухода от них. Не менее квалифицированно он разбирался в законах арестантской общины, толковал

их и консультировал по ним других арестантов. С. Максимов писал: «Около законников своих новичок-арестант в весьма непродолжительное время становится тем, чем он должен быть, то есть арестантом» [7, с. 100].

Арестантская община для «бродяг» и иных привычных преступников была суррогатом семьи, заменяла им отца и мать, сестер и братьев. Только в ней «бродяги» и другие профессиональные преступники могли реализовать себя как члены социума. Существующая среди уголовников поговорка «Тюрьма для меня – дом родной», а также упоминание тюрьмы в качестве «Дома Нашего Общего» (сокр. – ДНО) в различного рода современной «воровской» переписке имеет глубокие исторические корни и не является бравадой. Весьма распространенная в середине XX в. среди членов «воровских» сообществ татуировка «Не забуду мать родную», где под именем матери подразумевалась «воровская семья», лишний раз подтверждает, что наивысшей социально значимой ценностью для преступников-профессионалов, состоящих в «воровском» сообществе и занимающих в нем доминирующее положение, является сама принадлежность их этому сообществу. Чем больше человек был отторгнут от общества, своих родных и близких, семьи, чем больший срок лишения свободы определялся ему судом, тем родней и ближе становилась ему арестантская община. Жизнь в ней позволяла заключенному заполнить социальную пустоту, возникшую у него вследствие отторжения от общества и семьи. Чем сильнее было это отторжение, тем активнее проявлял себя такой арестант как член арестантской общины и занимал в ней более высокое положение. Вот что пишет по этому поводу исследователь жизни и быта арестантов и тюрем Российской империи Н. Г. Брейтман: «Затем в тюрьме всегда преимущество отдается арестантами тем товарищам, которые больше находятся в заточении. Такими арестантами являются бродяги, «варнаки», не помнящие родства «иваны», которые побывали и в Сибири, на каторге, и чуть ли не во всех тюрьмах России, совершили множество побегов и т. д. Они чаще всего бывают «казаками», остальное коренное население тюрем относится к ним с почтением, они везде считаются хозяевами тюрем» [8, с. 160–161]. Действительно, эта категория арестантов жила в тюрьме, как у себя дома, потому что за стенами тюремного замка у них не было определенного угла, да они и не питали надежды когда-либо расстаться с тюремной жизнью, смотрели на тюрьму как на свое законное жилище, словно созданное специально для их беспечного существования.

Значительное влияние на формирование арестантской общины оказал традиционный, общинно-патриархальный жизненный уклад российского народа. Большинство тюремного населения тех времен составляло крестьянство. Осужденные к лишению свободы крестьяне везли с собой на поселение, в тюрьму или на каторгу жен, детей и весь свой домашний скарб, продав то, что увезти было невозможно. Те же, кто по каким-либо причинам был лишен возможности забрать с собой семью, вливались в общую тюремную артель. «Арестанты такую артель любят и без нее не только не ходят по этапам, но и не живут в тюрьмах», – писал С. Максимов [7, с. 28]. Артельные, общинные начала, столь характерные для крестьянской Руси, в условиях мест заключения трансформировались в такое специфическое явление, как арестантская община. Для простого человека, общества в целом и власти было нормальным, приемлемым и понятным общинное объединение во главе с выборным старостой, будь то в деревне, на прииске, в тюрьме или другом месте. Вот какими словами встречал очередной этап тюремный смотритель каторжной тюрьмы второй половины XIX в.: «Арестантская артель признается законом, поэтому и я ее признаю. Выберите же себе общего старосту, че-

тырех парашников, двух поваров и двух хлебопеков. Что же касается камерных старост и больничных служителей, то я сам их назначаю» [5, с. 50].

В тюрьме при каждой камере имелся свой староста, который, с одной стороны, был обязан блюсти интересы ее обитателей. Кроме того, над всеми камерами назначался общий староста, с которым сносились в случае нужды камерные старосты. Общественный староста входил в непосредственные сношения с тюремным начальством, и в такой постановке дела заключалась одна из причин сравнительного порядка в тюрьме. С другой стороны, старосты несли ответственность перед тюремным начальством за происходящее в их камерах, поэтому все арестанты были обязаны слушаться их и следовать их советам. Как правило, старост избирали из числа опытных, умных, обладающих сильными характерами «бродяг», которые умели влиять на «шпану», разговаривать с ней, понимать ее нужды [8, с. 160]. Такое положение вещей только усиливало их непререкаемый авторитет среди обитателей тюремного мира.

Формально артельные старосты-«бродяги» подчинялись администрации, однако по своей природе люди хитрые и изворотливые, они лишь создавали видимость законопослушного поведения. «Бродяги», будучи пожизненными преступниками, и в тюрьме оставались ими же. Обладая большой внутренней силой, они продолжали быть людьми развращенными, не видевшими ничего плохого в совершенных ими преступлениях. Развращены «бродяги» были и той фактической властью, которой их облакали администрация мест лишения свободы и арестантское сообщество. Доходные места тюремных и камерных старост «бродяги» использовали как средство своего личного обогащения и получения всяческих выгод. «Бродяги – царьки в арестантском мире, они вертят артелью, как хотят, потому что действуют дружно. Они занимают все хлебные, доходные места: они старосты и подстаросты, повара, хлебопеки, больничные служители, майданщики, они все и везде. В качестве старост они недодают кормовых, продают места на подводах; в качестве поваров крадут мясо из общего котла и раздают его своей шайке, а несчастную кобылку кормят помоями, которые не всякая свинья станет есть; больничные служители-«бродяги» морят голодом своих пациентов, обворовывают и часто прямо отправляют на тот свет, если это оказывается выгодным. Узнав, что у кого-нибудь из кобылки есть деньги, зашитые в «ошкуре» (в поясе), они подкарауливают его в уединенном месте, хватают среди белого дня за горло и грабят» [5, с. 16]. «Бродяги»-«майданщики» наживались на нелегальной торговле продуктами, водкой и организацией азартных игр под интерес. При этом они фактически закабалляли своих должников, обирая их до нитки. Нередко, чтобы рассчитаться с «майданщиком», осужденные, имеющие небольшие сроки, были вынуждены меняться своим именем и участью с долгосрочными арестантами («нанимателями»). На каторге эта процедура называлась «свадьбой» и нередко планировалась совместно «нанимателями», «майданщиками» и другими «бродягами» заранее. В результате будущую жертву умышленно спаивали и мошеннически обыгрывали в карты. После «свадьбы» осужденные-должники переходили в разряд «сухарников». «Наниматель отныне – его хозяин. Если «сухарник» вздумал бы заявить о «свадьбе» по начальству и засыпать хозяина – он будет убит. Другого наказания за это каторга не знает» [2, с. 232–239].

Аморальность поведения «бродяг» проявлялась и в том, что они, находясь в этапных тюрьмах, нередко насильно завладевали чужими женами, идущими вслед за своими мужьями на каторгу. Если же муж пытался этому сопротивляться, то арестанты из ближайшего окружения «бродяги» жестоко избивали его. Остальные арестанты из-за

боязни мести со стороны «бродяг» в это дело предпочитали не вмешиваться. Вследствие своей дружности и организованности «бродяги» занимали в камерах этапных тюрем самые хорошие места, располагаясь на нарах подальше от дверей и тюремной «параша». Староста-«бродяга», по обычаю выпускаемый в камеру раньше всех, еще до окончания поименной проверки и пересчета вновь прибывших арестантов, занимал для своих товарищей теплые места, а каторжная «кобылка» ютилась большей частью под нарами, на голом полу, в грязи, темноте и холоде.

По сути, арестантские артели рассматриваемого периода представляли собой разбойничьи шайки, во главе которых находились старосты-«бродяги». Ввиду того что эти шайки находились в тюрьме, под присмотром администрации, они не могли причинить вреда населению Российской империи. Вместе с тем администрация не только не предлагала каких-либо усилий по нейтрализации и пресечению беспредела «бродяг» в отношении остальной каторжной «шпаны», но и часто потакала им.

В конце XIX в. ситуация в тюрьмах и на каторге стала меняться не в пользу «бродяг». Во-первых, каторжная «кобылка», доведенная до отчаяния невыносимым беспределом с их стороны, начала поднимать голову. В Томской пересыльной тюрьме, где иногда собиралось до трех тысяч арестантов одновременно, несколько раз происходили страшные избиения «бродяг». По некоторым данным [5, с. 17], во время происходивших там массовых беспорядков в середине 80-х годов XIX в. было убито и покалечено арестантами около пятидесяти «бродяг». Несмотря на это, «бродяги» не утратили своего главенствующего положения в арестантской общине, по-прежнему оставаясь «князьями» преступного мира, с той лишь разницей, что стали осуществлять свои противоправные и аморальные проступки скрытно и, в основном, чужими руками. Для этого в окружении «бродяг» всегда находилась пара-тройка арестантов, готовых выполнить любое их желание за оказываемое покровительство.

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавший за ним глубокий экономический и политический кризис власти, резкое падение уровня жизни населения, Гражданская война, атеистическая политика, проводимая большевиками, привели к массовому падению нравственности, кризису духовности россиян. Как всякий экономический и политический кризис, он повлек за собой небывалый рост преступности. Из тюрем, каторги и поселений в массовом порядке освобождался уголовный элемент. В этот период многие «бродяги» получили долгожданную свободу и незамедлительно вернулись к своему прежнему преступному ремеслу. Уголовный мир начал активно пополняться преступниками новой формации: спекулянтами, бандитами, контрреволюционерами. Большинство населения было лишено постоянного места работы. Кражи, спекуляции, грабежи стали средством к существованию многих и многих тысяч до того законопослушных граждан. Всеобщее падение нравов привело к тому, что преступный образ жизни для многих не стал подлежать моральному запрету и становился обычным источником доходов. Произошла массовая криминализация населения. «Бродяги» с удивлением обнаружили, что воровство и разбой перестали быть только их профессией. В 20-е годы XX в. в стране появляется огромное количество беспризорников. Это миллионная армия людей, оторванных от всякой социальной базы, лишенных всякого социального чувства, всякой морали. По свидетельству И. Л. Солоневича, из всех человеческих чувств у них осталось только одно – солидарность волчьей стаи, с детства выкинутой из всякого человеческого общества [9]. Сами себя они называют «урками». Все они – результат жесточайшего

естественного отбора. Именно из их числа начинает формироваться мир профессиональных преступников Советского государства.

В тюремном мире, как в капле воды, отражались все события, происходящие в обществе того периода. Наступил кризис власти и у старых тюремных сидельцев – «бродяг». Серьезную конкуренцию им составляли новые, молодые, дерзкие, не признающие никаких законов и никакой власти, кроме власти силы, преступники. Однако «бродяги» не собирались никому уступать своих позиций. Они лучше других ориентировались в условиях изоляции от общества. Их объединяли между собой многовековые «ценности» преступного мира. И более всего им помогали в этом «истинная вера», «старые заветы» [1, с. 20].

После того как прошла революционная эйфория, государство начало наводить в стране порядок. Прежде всего, это выразилось в усилении мер репрессивного воздействия по отношению к преступной среде и ее лидерам. Профессиональные преступники всех категорий, бандиты, спекулянты, воры, контрреволюционеры и другой «классово чуждый элемент» изолировались во вновь созданные места заключения. Существовавшая система тюрем с трудом справлялась с хлынувшим туда потоком заключенных. Положение усугублялось и тем, что никакой работы, в том числе оперативно-розыскного характера, с заключенными практически не осуществлялось. Роль администрации тюрем, как и в прошлые времена, сводилась к охране арестованных и осужденных. Внутренняя тюремная жизнь повсеместно регулировалась самими заключенными. По-прежнему арестантскую общину возглавляли наиболее опытные и пользующиеся авторитетом преступники, подчинявшие себе остальных заключенных. Появление в местах лишения свободы лидеров новой формации, часто с политическим «оттенком», обусловило противостояние представителей старых и новых тюремных порядков. Исследователь «воровской» среды В. М. Анисимков отмечает: «Старые «авторитеты» и преступники «новой формации» постоянно конфликтовали – боролись за сферы влияния. Последние часто получали название «жиганы». И если раньше «жиганам» отводилась весьма скромная роль «провинившихся», то теперь они не только стали быстро перенимать традиции и обычаи «авторитетов», но интенсивно вырабатывать и свои собственные» [1, с. 21].

Следует особо отметить тот факт, что высокая степень политизации общества коснулась и уголовного мира. Это нашло свое выражение в том, что всякая противоправная деятельность расценивалась преступными «авторитетами» новой формации как форма противодействия государству рабочих и крестьян. Произошла политизация и преступных «законов», по которым жила тюремная элита. Теперь каждый член сообщества не имел права служить в армии, работать, занимать общественные или иные административно-распорядительные должности, в том числе в местах лишения свободы. Таким образом, «жиганы» и их лидеры приобрели статус «идейных» преступников. Свою деятельность они преподносили как выражение несогласия и протест против советской власти. Особенно ярко это проявлялось в создании банд. Они организовывались и пополнялись людьми, пострадавшими от новой власти или недовольными ею. Политические мотивы мгновенно превращались в уголовные формы выражения. Наряду с этим в местах лишения свободы власть возвращалась в руки «бродяг», которые были более закаленными, опытными и сплоченными лидерами преступного мира, чем «жиганы». К «бродягам» примкнули и остальные потомственные профессиональные преступники с богатым дореволюционным прошлым, не желавшие изменять многовековым арестантским традициям, обычаям и законам.

Выводы

Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в., его правящую верхушку составляли «бродяги». Они являлись лидерами арестантской общины. Только в ней «бродяги» и другие профессиональные преступники могли реализовать себя как члены социума. Несмотря на то что арестантская община активно противодействовала тюремным порядкам и самому назначению тюрьмы как карательно-исправительного учреждения, общинную модель организации самоуправления среди осужденных поддерживали и одобряли, с одной стороны, администрация тюрем, с другой – сами арестанты, благодаря непререкаемому авторитету, которым пользовались «бродяги» в преступном мире. «Бродяги» и вышедшие из их среды криминальные авторитеты «иваны» явились прообразом будущих «воров в законе», власть которых в криминальном мире мест лишения свободы стала впоследствии практически неограниченной.

Список источников

1. Анисимков В. М. Тюремная община. «Вехи» истории: историко-публицистическое повествование. М., 1993. 72 с.
2. Дорошевич В. М. «ГУЛАГ» царской России. М., 2001. 512 с.
3. Гиляровский В. А. Под китайской стеной. Куйбышев, 1965. Т. 2. 518 с.
4. Кеннан Дж. Русские государственные преступники : пер. с англ. СПб., 1906. 548 с.
5. Мельшин Л. (Якубович П. Ф.) В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. 4-е изд. СПб., 1907. 786 с.
6. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Рассказы. М., 1983. 414 с.
7. Максимов С. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб., 1891. 492 с.
8. Брейтман Н. Г. Преступный мир / науч. ред. Х. Вальтер, В. М. Макиенко. 2-е изд., испр. СПб., 2005. 192 с.
9. Солоневич И. Л. Россия в концлагере // ModernLib.Net. URL: http://modernlib.ru/books/solonevich_ivan_lukyanovich/rossiya_v_konclagere/read (дата обращения: 19.12.2022).

References

1. Anisimkov, V. M. 1993, *Prison community. "Milestones" of history: historical and journalistic narrative*, Moscow.
2. Doroshevich, V. M. 2001, *"GULAG" of Tsarist Russia*, Moscow.
3. Gilyarovskiy, V. A. 1965, *Under the Chinese Wall*, vol. 2, Kuibyshev.
4. Kennan, J. 1906, *Russian state criminals*, translated from English, St. Petersburg.
5. Melshin, L. (Yakubovich, P. F.) 1907, *In the world of outcasts. Notes of a former convict*, 4th edn, St. Petersburg.
6. Dostoevsky, F. M. 1983, *Notes from the Dead House. Stories*, Moscow.
7. Maximov, S. 1891, *Siberia and penal servitude*, in 3 vols, St. Petersburg.
8. Breitman, N. G. 2005, *Criminal World*, H. Walter & V. M. Mokienko (eds), 2nd ed, St. Petersburg.
9. Solonevich, I. L. N.D., 'Russia in a concentration camp', *ModernLib.Net*, viewed 19 December 2022, http://modernlib.ru/books/solonevich_ivan_lukyanovich/rossiya_v_konclagere/read.

Информация об авторе

С. А. Кутякин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права.

Information about the author

S. A. Kutjakin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 28.07.2023.

The article was submitted 19.12.2022; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 28.07.2023.